

Червиньски П.
Катовице, Польша

**ЯЗЫК СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ:
СЕМАНТИКА ПОЗИТИВА
В ОБОЗНАЧЕНИИ ЛИЦ (3)**

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. Статья содержит дальнейшую разработку фрагмента системной модели, лежащей в основе советского образа и представления действительности в отношении позитивных признаков человека. Основу модели составляют параметры, выводимые из значений слов и словоупотреблений, характерных для языка советского времени. Описываемая модель показана в действии и отражениях для семантики слов, называющих человека с точки зрения необходимых советской системе и в нем продуцируемых свойств. В своей семантике и отношении к месту в модели описываются номинативные единицы параметра, определенного как отмеченность (партиец, первогвардеец, сын страны Советов, блокадник, сталинградец, фронтовик, чернобылец и др.). Представленная как многоуровневая система может служить примером идеологических и политических (пропагандистских, манипулятивных) вербально-концептуальных и смысловых построений.

Ключевые слова: язык советской действительности, обозначения лиц, семантика позитива, советская языковая картина мира, язык и идеология, парадигматическая модель описания.

Сведения об авторе: Червиньски Петр, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка.

Место работы: Силезский университет.

Контактная информация: ul. Grot-Roweckiego, 5, 41-206, Sosnowiec, Poland.

E-mail: czerwinski.piotr@gmail.com.

Chervinsky P.
Katowice, Poland

**LANGUAGE OF THE SOVIET REALITY:
SEMANTICS OF POSITIVE
IN DESIGNATION OF PERSONS (3)**

ГЧТИИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.01

Abstract. The article contains a subsequent development of a fragment of system model underlying the Soviet image and representation of reality concerning the positive attributes of man. The basis of model consists of parameters deduced from the meanings of words and word-usage, characteristic of language of the Soviet time. The described model is shown in operation and its reflections for semantics of words naming man from the point of view of necessary to the Soviet system and in him produced properties. In their semantics and position in the model there are units of parameter defined as marking (partieц, первогвардеец, сын страны Советов, блокадник, сталинградец, фронтовик, чернобылец and so on). The introduced multilevel system can serve an example of ideological and political (of propaganda, manipulation) verbal-conceptual and semantic constructions (paradigms).

Key words: language of the Soviet reality, designation of persons, semantics of a positive Soviet language world picture, language and ideology, paradigmatic model of description.

About the author: Chervinsky Petr, doctor of philology, professor, head of the chair of Russian language. Place of employment: Silesian University.

Рассмотренные в предыдущей статье [Червиньски 2009/2] на примере слов автозаводец, воин-малоземелец, молодогвардеец, корчагинцы, люди труда и т.п. значения признаков продолжают относимые к тому же основанию в описываемой системе номинативные единицы военмор (военный моряк), военлёт (военный летчик), красногалстучник, советские люди (советский человек), новый человек, партиец, первогвардеец (военнослужащий первой гвардейской стрелковой дивизии), сын страны Советов (рабочего класса). Особенность их значений определяется отношением к воздействующей, воспитывающей, формирующей называемого человека среде, которое (отношение) характеризуется в связи с этим как информатив (лат. informo, informatum 'формировать, создавать; образовывать'; 'обучать, воспитывать').

Дальнейшее внутреннее подразделение в ряду передаваемых указанными единицами значений можно было бы произвести на основании ряда характеристик, учитывающих их дифференцирующие соотношения. Основой такого деления должна послужить проявляющая себя каким-то определенным образом, на-

ходящим свое отражение в семантике интересующих нас различительных признаков, воспитывающая среда, вырабатывающая, предполагающая и требующая должное отношение к обществу и системе, советской действительности и делу социализма у называемого человека, которая (воспитывающая среда) была взята основанием для разбираемого информатива [Червиньски 2009/2: 62]. Необходимо напомнить, что речь в данном случае идет о подразделении 4-го уровня описываемой модели. Первым уровнем был признак отмеченности в ряду наделенности, при-надлежности, нужности и т.п. [Червиньски 2009/1: 135], вторым – отношение окружения и наведения (индуктива), третьим – рассматриваемая воспитывающая среда (отношение информатива), к семантике проявления-действия которой и были отнесены обозначенные слова (военмор, военлёт, красногалстучник, восемь общим числом), разделение которых с выведением семантических признаков, релевантных информативу, и будет предметом предлагаемого описания.

В целях более сжатого и не такого подробного, как это было ранее, определения семан-

тических признаков, поскольку принципы и характер лежащей в основе их обнаружения процедуры был уже ранее представлен, дальнейший анализ, предполагающий целостное описание парадигмосистемы, имело бы смысл производить с опорой на признаки, актуальные для выбираемого основания. Рассматриваемые в связи с этим советизированные лексемы предполагается характеризовать не как целостно действующие в своем семантическом проявлении единицы, а вершинно, в повороте, активизации их семантики к интересующему в тот или иной момент описания основанию. Оправдывается такой заинтересованно не объективный подход к семантике слова, как уже говорилось, выбранной для данного описания задачей, его специфичностью. Слова служили и будут служить материалом для целей наглядности представления, объектом и смыслом которого будет система, определяемая как модель, фрагмент модели семантического кода языка советской действительности. Предметом предполагаемого описания и будет этот семантический код, в вербальной семантике позитивного обозначения лиц себя проявляющий и обнаруживающий.

При определении интересующих нас подразделяющих признаков четвертого уровня можно и следовало бы идти с двух, друг к другу направленных и взаимосотносимых, сторон – от актуальных и релевантных к данному основанию (информативу воспитывающей среды) вершинных сем разбираемых слов, с одной стороны, и от работающей в описываемой парадигмосистеме основы, сущности данного основания, с другой. Для наглядности, таким образом, нас интересует та воспитывающая среда (отраженной в советском языковом сознании советской, опять же, действительности), которая воспроизводит и создает тех и таких, точнее признаки, им приписываемые, кого называют словами военмор, военлёт, красногалстучник, советские люди (советский человек), новый человек, партиец, первогвардеец, сын страны Советов (рабочего класса). Конкретнее – те различия и проявления в ней, которые отображаются в актуализированных их вербальной семантикой признаках, удовлетворяющих требованиям предписываемой для среды парадигмосистемы.

Объединяющими признаками семантики обозначений разбираемой группы слов (параметр отмеченности (I) в отношении влияния окружения (II) как формирующей среды (III)) можно было бы считать идею вынесения, выставления – то, чем страна, люди, продуцируемая ими система могут и должны гордиться. Гордость эта проявляется в двух отношениях: человек как вбирающий в себя от среды, как показатель того, чем она, эта среда, для человека есть, и человек (вобравший от нее в себя, рожденный ею), в первую очередь и в основном

воспринимаемый и определяемый как ей от себя затем дающий. Противоположение это является ни чем иным, как воплощением в новом материале (на новой плоскости, экране) признаков исходности / направленности основания предыдущего, определенного как поощряемая деятельность (иммунитив) общего для них в параметре отмеченности показателя окружения-наведения (индуктива).

Проявление признака вбирания в себя можно наблюдать в словах, как номинативных единицах, военмор, военлёт, красногалстучник, первогвардеец. Проявление давания от себя – партиец, советский человек, новый человек, сын страны Советов. Проявление, хотелось бы еще раз подчеркнуть, оговорив, признака, воспринимаемого в качестве ведущего и предпочтительного, не единственного и не исключаящего чего-то другого (каких-то других), особенно в употреблении, но нас интересуют собственно признаки, а не семантика или употребление единиц. Рассматриваемая как основание в описываемой системе воспитывающая, формирующая, воздействующая и действующая среда существует, таким образом, как то, что пропитывает собой и порождает человека желаемых определенных свойств (его ментальный, условно мыслимый в языковом сознании, образ, продукт) и как то, что, породив, создав, воспроизведя такого человека, предполагает, допускает, индуцирует в нем способность желательного воздействия на других, на окружение, и от себя. В этом смысл указанного противоположения для IV уровня (см. схему ниже).

Не вдаваясь в подробности, дальнейшее подразделение признаков, отображаемых в рассматриваемых словах, можно было бы представить как значения позиции 1 с переходом в 2 в первогвардеец ($1 \rightarrow 2$); 2 с переходом в 3 для красногалстучник ($2 \rightarrow 3$); 3 с переходом в 4, но в обратном направлении вектора от себя во вне и на него извне для военлёт ($4 \leftarrow 3$) и в таком же обратном 4 с переходом в 5 для военмор ($5 \leftarrow 4$). И, соответственно, без незначимых для проекции значений второго ряда (давание): партиец (2), советский человек (3), сын страны Советов (4), новый человек (5).

I уровень: отмеченность

II уровень: окружение (индуктив)

III уровень: воспитывающая должное отношение среда (информатив)

IV уровень: вбирание / давание

V уровень: векторность от себя (носителя, признака) вовне / на него извне

VI уровень: позиционность 1, 2, 3, 4, 5 | 1, 2, 3, 4, 5

VII уровень: $1 \rightarrow 2$; $2 \rightarrow 4$; $4 \rightarrow 5$; $5 \rightarrow 4$ | $1 \leftarrow 3$; $2 \leftarrow 4$; $3 \leftarrow 4$; $4 \leftarrow 5$; $5 \leftarrow 4$

VI и VII в возможных для них значениях как позиции активизации (1), готовности, (2), поддержки, ведения за собой, ударной силы (3), обеспечения силы выхода, ее сохранения, ук-

репления, (4), достижения в результате, действовании (5).

Поскольку этот фрагмент описываемой модели был уже ранее нами рассмотрен [Червиньски 2009/2], его объяснение и анализ применительно к выявляемым признакам в их отношении к словам опускаем, тем более что для понимания действия определяемого основания (воспитывающая должное отношение среда) в парадигмосистеме подобное процедурное объяснение немного дает.

Одна из задач затеянного исследования состояла в том, чтобы на основе семантики слов языка советской действительности в обозначении лиц выявить и описать парадигмосистему, организованный по типу грамматики семантический код, дающий возможность не только увидеть его процедурное действие с проявлением в семантике слова, механизмах вербального порождения и восприятия (генеративно-перцептивная база, фрагмент ее, советского языкового сознания), но и представить специфику фрагмента когнитивной модели языка советской действительности. Той модели, которая составляет основу указанных механизмов порождения и восприятия, но основу не процедурную, а мировоззренческую, в связи с чем оценочную, фильтрующую, включающе-выключающую объекты, позиции, отношения, в конечном итоге, системоценностную. Модели, наделенной способностью не столько давать представление об окружающем мире, сколько организовывать его для сознания по своему, необходимому для нее, усмотрению, выполняющая функцию регуляции и продуцирования в отношении носителей как ее самоё, так и ее, как неизменное следствие и сопутствие, языка. Определение специфики советского отношения к миру, интересующего и проявляющегося для нас в советскости языкового сознания и языка, предполагает исследование не объявляемых или известных черт и сторон всего того или части того, что можно бы называть советским, а черт и сторон, нередко не осознаваемых либо осознаваемых не до конца, действующих подспудно и мимо воли, не как наборы, скажем, каких-либо утверждений, оценок и установок, а как парадигматико-синтагматический механизм производства и восприятия речевых и ментальных фигур.

Изучаемый таким образом и описываемый предмет можно видеть и наблюдать в проявлении двух взаимосвязанных проективных расположений, имеющих отношение одно к языковой, плана своего содержания и выражения, кодовой парадигме, другое – к ментальной, мировоззренческой, аксиологической и также кодовой, собственных плана содержания и выражения, но не вербального, а внутреннего, даваемого скорее в ощущениях, сенситивного. Если специфика действия скрытого генеративно-перцептивного смыслового кода языка советской действительности дает представление о

речевых механизмах и речевом проявлении, о коммуникативных и реактивных особенностях носителя изучаемого языка (советской действительности), то специфичность того другого, ментально-аксиологической парадигмы носителя (носителей) советских значений и приоритетов, может явно или неявно представлять все то, что ближе к экзистенциально-оценочным, в том числе и моторным и поведенческим, проявлениям. Интерпретирующая и ориентирующая отмеченная (советски) способность субъекта как бы раскладывается и проявляет себя в двух взаимно соотносимых и дополняемых режимах – не осознаваемых либо не полностью осознаваемых механизмах речи и полуосознаваемых, не до конца либо неверно и искаженно осознаваемых механизмах существования, понимаемого в плоскости того, что и как должно быть и есть, и того, на что и какую возможно и допустимо либо желательно-предпочтительно давать от себя реакцию. В механизмах, иными словами, своего в ней, в действительной жизни советской действительности, участия, действия либо недействия в ней.

То первое, языкового кода, отчасти в смешении со вторым, кода экзистенциального, поскольку такого смешения было в определенном смысле не избежать, впрочем, в последовательном разграничении двух взаимно накладывающихся в советском языковом и не только языковом сознании парадигм и не состояла задача, это первое для разбираемого основания третьего уровня (информатив – среда) отчасти было показано на примере рассмотренных восьми слов (первогвардеец, партиец, красногалстучник и т.п.). Доста-точное и понятное для представления языкового кода, оно в своих признаках (особенно после пятого уровня) выглядит невыразительно, мало информативно и механистично для представления идейно-мировоззренческого, а следовательно, экзистенциального, аксиологического, интерпретирующего действительность и предлагающего, задающего ориентацию в ней компонента. Мало понятными могут выдаться следствия из описанных признаков для представления советской специфики восприятия действительности и советского воображения о ней.

В связи с этим, поскольку подобное представление ее когнитивного образа, как парадигмы (условного) существования, входило в нашу задачу, хотя скорее пунктирное, по некоторым представимым верхам, ибо более или менее полное описание было бы предпочтением нереальным для осуществления в рамках задуманного, постольку попробуем, в рассуждениях и неизбежных следствиях к предполагаемой парадигме такого образа, на отобранных для представленного основания информатива-среды примерах показать особенности этой второй парадигмы.

В последовательности интересующего нас в данный момент представления речь пойдет о

лице, человеке, вписываемом языковым сознанием в круг значений советского – для действительности, оценок, системы ценностей, для него самого. Человеке, обозначаемом, называемом применительно, в плоскости к его отмеченной позитивно и поощрительно характеристике в наличии признаков, обусловленных, задаваемых (заданных, отраженных) в нем под воздействием (также советского) широко понимаемого окружения (советского воздуха, атмосферы советского бытия), проявляемого в данном случае в плоскости, в отношении действующей на человека, воспитывающей, питающей, формирующей, обрабатывающей его в соответствующем направлении и виде среды. Вопрос может (и следует для каких-то других и более общих задач) быть поставлен в том отношении, что именно представляет собой в таком описательно-парадигматическом повороте эта самая, с признаками советскости, формирующая и воспитывающая человека среда. И вопрос такой, если для наших задач не прямо решать и ставить, то следует все же задумываться над ним и где-то внутренне, подразумевая, иметь в виду. Но вопрос, другой, приближенный к нашему материалу, соотносимый с поставленным, можно, однако, ставить и разрешать по-другому. Не чем является или что представляет собой искомая формирующая и специфическая в своей советскости окружающая человека среда, а какие признаки ее, как параметра, основания находят свое отражение и воплощение в семантике разбираемых слов, что, в свою очередь, воплощается и отражается в парадигме валентностно-позиционных соотношений описываемой модели когнитивного основания смыслового кода языка советской действительности.

Начнем свои рассуждения в этом заявленном нами ключе с двусторонне направленного представления от среды и от человека как данной среды производное. Кого создает среда, с одной стороны, и кто создается такой средой, в каком отношении его направленный и следующий из среды семантический признак проявляется в нем его отмеченное, позитивно желательное и поощряемо одобряемое в ее, среды, восприятии и оценке. Если слово партиец, к примеру, интерпретировать как обозначение того, кто воспринимается как воспитанный, выращенный советской действительностью, советской средой, под ее воздействием и влиянием, проявляющий себя в ней, отмеченный в том отношении, что он, обладая определенными свойствами, выделяется ими подчеркнуто положительно на фоне других, то набор этих свойств способен дать представление об искомом как требуемом для среды. Набор этих признаков можно было бы определить как наличие (приписываемое со стороны окружения) вследствие принадлежности, отнесенности к выделяемо отмеченной общественной группе (коммунистической большевистской партии), особенно

го отношения к социальной среде, которое регулируется, предопределяется, мотивируется задачами, целями, ролью и взятым на себя обязательством, проявлением, миссией в обществе и социальной среде данной группы. Определяется данное отношение устойчиво формирующимся представлением о том, что партиец, партийный – это тот, кто должен быть (беззаветно) преданным делу партии, показывать пример для всех остальных, проводить в сознание масс, направлять их на выполнение тех задач и целей, которые партия ставит перед советским обществом на пути задуманного все той же партией строительства коммунизма как окончательной цели и фазы общественного развития (*opus finitum*). Все это вместе взятое вписывает определяемое значение в семантику разбираемой парадигмо-системы в целом. В отношении рассматриваемого ее фрагмента, привязывающего значение к отмеченности как параметру первого уровня через окружение второго и воспитывающую среду для третьего, интерес представляет вершинное сочетание (беззаветной) преданности делу партии, все остальное, оставляя за скобками и переводя в более общий и крупный план.

Тем самым, рассматриваемая и определяемая воспитывающая среда предстает как то, чему придается, предписывается нечто, обозначаемое как дело коммунистической большевистской партии, без которого данная среда не была бы данной средой. Отсюда вопрос: каким образом, как и в каком отношении можно было бы описать это самое дело и что понимать под (беззаветной) преданностью этому делу применительно к человеку? Среда, не случайно поэтому названная воспитывающей и формирующей, для того чтобы удовлетворять задаваемым условиям, отвечая требованиям возможности включения в себя, вбирания и обеспечения в каком-либо результате реализации этого дела, должна быть активизированной, заряженной, организованной, направляемой. Иными словами, должна быть динамизированно целеустремленной средой. Дело партии, следовательно, можно воспринимать как целеустремление, направляемое ею, т.е. партией, к среде. Преданность – как включение себя, своей активности, растворение в общем и большем, охватывающем, также активно и целеустремленно заряженном и потому заряжающем в своем направлении к среде. Этим большим и заряжающим является партия, выступающая, проявляющая себя в данном случае как целеполагающая, энергетизирующая соответствующим напряжением сила по отношению к воспитывающей среде, действующей по этой причине на человека необходимым и должным, целенаправленным в перспективную точку, образом.

В связи со сказанным, партиец может быть определен как отмеченный, выделяющийся в

данной среде отношением к группе, причастной к знанию и осуществлению общего и единого для среды, предписываемого ею целеустремления, задаваемой, сообщаемой цели самой среды. Среда советской действительности, имея цель и направленность, проявляемую и обнаруживаемую в ней через значение партийца, предполагает, тем самым, отнесение данного признака в условиях разбираемого второго, когнитивно-экзистенциального, кода к параметру, приближающемуся по своему значению и характеру к валентности, которая была нами определена в предыдущих статьях как позиция 2 (готовность, заряджение, направленность, аккумуляция собираемой к выходу из состояния покоя в точке исхода (1) силы).

Среда советской действительности в отношении трех других того же ряда номинативов (советский человек, сын страны Советов, новый человек), отмечаемых идеей распространения внутреннего заряда в среде в противоположность абсорбции, характерной для первогвардейца, красногалстучника, военлёт и военмора того же параметра (I) и оснований (II и III уровней), может быть охарактеризована для большей наглядности в сопоставлении. Советский человек определяется и воспринимается в отношении данной среды как такой, который отмечен особой моралью служения обществу, людям, идеям, предполагающим то, о чем говорилось в связи с партийцем по поводу динамизированного устремления среды к поставленным партией целям. Соотношение между партийцем и советским человеком, тем самым, можно по этому основанию воспринимать как соотношение направляющего и направленного, вобравшего, принявшего, воспитанного и потом и затем отдающего, распространяющего от себя, включенного в общее продвижение массы задействованной и задействуемой среды. Активным, вершинным признаком данной номинативной единицы в ее обозначающем будет особым образом организованная, устроенная мораль, предполагающая согласие и отдавание, предание себя сообщаемому в своем поступлении делу как *opus finitum* в своем перспективном конце. Мораль, определяемая обычно как совокупность норм и принципов поведения, приближает нас к идее поддержки возможности осуществления того, что задумано (точка исхода 1), поддержки выхода направляемой аккумулятивной силы (точка готовности 2). То есть к позиции 3 в валентностном устройстве рассматриваемой парадигмосистемы. Характеризуемой советской среде приписывается такая мораль, которая должна быть общей, единой и предполагать возможность развития, продолжение в виде поддержки того, что в качестве цели направленности было определено у партийца.

Сына страны Советов можно воспринимать и определять в интересующем нас отношении как человека особого склада, полученного в

результате начавшегося движения к цели в среде. Среда его создает и воссоздает, производит, но смысл его присутствия и существования в ней можно интерпретировать как ее, среды, обеспеченность и гарантия продолжения, возможность развития того, той валентностно-позиционной и системно-ролевой идеи, которая была нами определена как свойственная советскому человеку. Сын страны Советов – порождение среды окружения советской действительности в том отношении, что является, выступает обеспечением, защитой, предохранительной, во времени, оболочкой, гарантией экзистенциальной неотвратимости создаваемой среды. Данные признаки относят его к позиции 4 определяемого основания в системе.

Нового человека как представление в применении к все той же советской среде можно было бы определить как ее достижение, ее заявляемый и достигаемый в своей отмеченной исключительности результат. Речь, таким образом, можно вести о позиции результата (5). Новый человек, воспринимаемый как человек нового типа, нового, по сравнению с прежним, досоветским, и внесоветским, отношением к жизни, это человек достижения, человек коммунистического будущего, ростки и проявления которого можно сейчас уже наблюдать в советских людях, воспитываемых в духе товарищества, коллективизма, отсутствия эксплуатации и эгоистического паразитизма. Вершину подобного отношения, таким образом, применительно к воспитывающей в человеке подобные качества советской среде, можно увидеть как продолжение в позиции результата (5) признаков сына страны Советов (4) с валентностным продвижением от партийца (2) через советского человека (3).

Номинативные единицы другого ряда, объединенные общей идеей абсорбции в себе свойств советской среды (в чем и состоит их отмеченность), а не эманации, распространения от себя, как в четырех предыдущих, могут быть расположены в последовательности, предполагающей статичность точек исхода (1), готовности (2), поддержки выхода (3) и обеспечения надежности (4) проявления абсорбируемых свойств.

Точку исхода отображает первогвардеец как тот, кто, будучи 'военнослужащим первой гвардейской стрелковой дивизии' [Мокиенко, Никитина 1998], воплощает в себе идею овеянности ее доблестью и славой. Первогвардеец для языкового сознания – это прежде всего вынесение, отделение от общего, то, на что надо равняться, но что, как вынесенное и выдвинутое, недостижимо и идеально, как отвлеченный, абстрактный верх, вершина и идеал. Во внутреннем, ощущаемом, чувственном отображении способное быть представленным устремленностью по вертикали недостижимого, предполагаемо предписываемого желания быть та-

ким же, похожим, в каких-то чертах походить, с возвращением от него, от этого верха, в идее обогащающего, облагораживающего, очищающего, придающего смысл начала-исхода-цели (↓).

Красногалстучник, в своей отмеченности в среде, может быть определен в отношении особого поведения, проявления в действии, отличающего его на фоне других. Красногалстучником делает пионера его отнесенность к так называемой красногалстучной команде, к тем, кто своим внешним видом, распознаваемостью, ношением красного галстука заявляет о своей заряженной советской идеей готовности быть, не щадя своих сил, служить, отдавать себя делу строительства будущего. Если в первом случае, с первогвардейцем, себя проявляла идея вынесенности, отделения от остальных, недостижимости для каждого, кто таковым не является, в языковом ощущении – вертикали, то в этом втором, с красногалстучником, можно было бы говорить о горизонтальности, проявляющей себя в приобщенности, отнесении к таким же, как он, и подобным себе (красногалстучная команда), к которым каждый, при соответствующем желании и подготовке, настроенности (признаки позиции 2), мог бы себя отнести. Эта внутренняя, заложенная идея своей приобщенности целому, беспокойной команде, с проявлением, отражением выхода из себя на других вовне, полагающая стремление центробежно-центростремительное, для заявленной горизонтальности могла бы себя отразить в направленности в одну и в другую стороны – своей приобщенности группе и выхода с ней из нее вовне (↔). Идея, поддерживаемая смыслом известного лозунга Пионеры – беспокойные сердца!, имеющим отношение к рассматриваемому значению.

И, наконец, военлёт и военмора можно интерпретировать, в определяемом ключе, как отмеченных в советской среде и советской средой в отношении выполнения долга по защите ее воздушных границ и морских рубежей. Военлёт при этом предполагает направленность вертикали – вверх и вперед [Червиньски 2008: 125], с обращением к защищаемому, а также поддерживаемому и поддерживающему подобную устремленность низу (↓) – советская территория, пространство внутреннего, земля, в валентностом проявлении поддержки выхода направляющей и направленной силы, т.е. позиция 3. Военмор, соответственно, направленность горизонтальности от себя, от своей территории вовне, в пространстве обтекаемых сушу морских границ, с подкрепляющим, обеспечивающим безопасностью, защитностью, надежностью, с возвращением в обратном своем движении (↔), с соответствующим валентностным проявлением значения позиции 4.

Семантические проявления-признаки характеризующего основания воспитывающей долж-

ное отношение среды на примере рассмотренных обозначений можно представить в виде таблицы, начинающей себя проявлять с IV уровня:

I уровень: отмеченность

II уровень: окружение (индуктив)

III уровень: воспитывающая должное отношение среда (информатив)

IV уровень: распространение (эманация) / абсорбция (порядок разделяющих признаков обусловлен семантическими особенностями основания воспитывающей, советской среды, их значимостью и актуальностью в ней)

<i>эманация</i>	<i>абсорбция</i>
1.	1. отделенное (слава, доблесть), на что надо равняться, начало: первогвардеец (↓)
2. целеустремление: партиец	2. решительность приобщения-выбора: красногалстучник (↔)
3. согласующаяся (поддерживающая идею) мораль: советский человек	3. поддержка выхода (воздушных границ) в выполнении защитного долга: военлёт (↓)
4. гарантия ее неотвратимости: сын страны Советов	4. обеспечение безопасной надежности: военмор (↔)
5. ее воплощенный типаж: новый человек	
в проекции к своей перспективе – opus finitum достигаемого завтра	

Обобщая выведенное, развитие семантических признаков позитива советской действительности применительно к обозначению лиц можно было бы на основании всего описанного в данной и двух предыдущих статьях представить в виде последовательности, отображающей некоторую валентностную цепочку, смысл звеньев которой, в зависимости от проекции к новым параметрам, может приобретать обращенный к данному основанию вид. Каждый из этих признаков представляет идею заложенной в языке советской действительности необходимости (категории оптатива) для человека, составляющих в своей совокупности внутренний категориальный смысл, развиваемый и отображаемый в статике и динамике – парадигматике и синтагматике определяемой парадигматикой. Уточнение признаков имеет условный и приблизительный вид, требующий и предполагающий в дальнейшем выведение кода, также в определенном смысле условного, способного внутренне непротиворечивым и достаточным образом представить и показать характер позитивно заряженных советизированных, применяемых к человеку и не случайных в своей повторяемости и отраженности соотношений. В разбираемых значениях отмеченности повторяют себя расположения признаков, выведен-

ные для параметра наделенности [Червиньски 2009/2], приобретая при этом несколько иной, обращенный к отмеченности и ее составляющим вид (отличительность, окружение в проекциях инкорпоратива, иммутатива и информатива, т.е. два из пяти возможных в проекции к трем экранам). Тем самым, выведенные в параметре наделенности 1) самоотверженность, отказ от себя во имя идеи и общего дела; 2) заряженная силой и волей готовность к действию ради этого; 3) мобилизация и вовлечение себя и других в необходимое проявление-действие; 4) надежность преданной, верной силы, опора действия, то, на что можно и нужно рассчитывать для достижения результата; 5) обеспечиваемая необходимыми качествами обладателя результативность проявления-действия, направленного на достижение поставленной цели (революционное преобразование общества, социалистическое строительство, формирование нового человека и т.п.) – способны в группе отмеченности приобретать приблизительно следующий вероятный и допустимый вид применительно к перспективному общему в *opus finitum*:

1) исключительность основания-истока – свет человечеству – человечность высших идей – зарождения новой эры – гордое имя и слава начала – вынесение;

2) индукция знаний верного действия – величие – образец подражания – горение – особая атмосфера причастности – целеустремленность;

3) неотклонение от избранного пути – непомерная сила – ориентированность – напряжение – постоянство преемственности – мораль и идейность высокого долга;

4) забота и попечение о людях, народах – прокладывание пути – светлый образ самого высшего – страстность действия – неопровержимое доказательство верности – неотвратимость;

5) верховность – высшая форма итога – умение побеждать – воплощенное достижение.

Матричное представление рассматриваемых признаков в их соотношениях, предполагая последовательно уровневый и углубляемый характер, имеет в своей основе различия двух-, трех-, четырех-, пяти- и семивалентностного устройства, каждое место, позицию, валентность которого можно рассматривать и определять в отношении реального (реализованного в вербальной семантике) и потенциального (возможного и/или предполагаемого к реализации, допускаемого, подразумеваемого, обусловливаемого семантикой контекстов и словоупотреблений). С этим связывается подвижность, неполная определенность, интерпретируемость и субъективность перцепции исследуемой семантики языка советской действительности, как, впрочем, всякого языка, но в данном случае обуславливаемые валентной и уровневой сдвигаемостью, перемещаемостью, обращае-

мостью смыслов позиций рассматриваемой парадигмосистемы. С одной стороны, релевантные ей, проявляющиеся на вербально-семантическом уровне смыслы (определяемые в ходе исследования семантические признаки) имеют свойственный ей, типизированный, характер, т.е. специфично отмечены, с другой, они, как валентностные и соотносимые, не специфичны, концептуально неточны, а потому для сознания недостаточно ясны и определены. Будучи скорее сенсорно-моторными проявлениями, действуя нередко как вербально оформляемые побуждения, а не обозначения объяснимых и ясных признаков, они потому и закрыты, невосприимчивы для когнитивного представления. Свойственная им неявная сопровождаемость, своего рода аккордность, аккомпанированность, когда звучащее, вербализуемое, хотя и не всегда до конца выражаемое, предполагает знание-ощущение связанного, совместного с ним чего-то другого и не одного, также является следствием их воздействующей сенситивности, составляет особенность, нередко усиленную, предполагает необходимость определения серий, валентных последовательностей с необязательным достоверным отображением чего-то ясного для семантики слов. Все это необходимо учитывать при описании, тем более что излишне дробящая смыслы подробность, не до конца к тому же определяемые, в разных проекциях и комбинациях соотносимые, в какой-то момент становится неизбежным препятствием пониманию. Выходом может быть описание системы как действующей в своих значениях и подзначениях парадигмы в условном и приблизительном соотношении с семантикой слов и лишь затем, на ее основе, возможное, соотносимое с ней, ее особенностями и значениями, описание системного и узואльно-го в семантике советского слова.

Отдавая, тем самым, вследствие сказанного, себе отчет в неизбежной подвижности и приблизительности описываемой сенсорной семантики, обратимся к значениям следующего, третьего, основания отмеченности – опыта-приобщения (обдуктива). К этому основанию были отнесены слова блокадник, сталинградец, фронтовик, чернобылец, афганец, льготник, заслуженный (как почетное звание, присваиваемое за заслуги в какой-либо области – агроном, артист, врач, мастер спорта, учитель и пр.), дояр-пятитысячник, доярка-миллионерша, доярка-трехтысячница, мать-героиня, отличник, панфиловцы. Характеризация советского приобщения-опыта, находящего свое отражение на примере отобранных слов, сводится в исследуемой парадигмосистеме к внутреннему коррелятивному противоположению для обозначаемого человека того, что является следствием пережитого, через что он прошел, чего был участником, тому, что составляет его заслугу, чего он добился своим непосредственным проявлением-действием. Соотношение исходности

и направленности иммутатива, вбирания и давания (абсорбции / эманации) информатива предыдущего основания в опыте-приобщении приобретает характер соотношения вмещающей втянутости (блокадник, сталинградец, фронтовик, чернобылец, афганец, льготник, панфиловцы) и обретенного достижения (заслуженный, дояр-пятитысячник, доярка-миллионерша, доярка-трехтысячница, мать-героиня, отличник).

На основе вмещающей втянутости можно было бы, выделив, установить, что опыт советского приобщения, приобщения к тому, что советское, а потому и накладывающее на человека советской историей и действительностью отпечаток особой, советской, отмеченности (ибо об этом по данному основанию в данном параметре речь) состоит в различии того, что в подобном совместном объединяющем опыте отличается фронтовика от сталинградца, того и другого от фронтовика, первых трех от чернобыльца, афганца, панфиловца или льготника. Установление этих отличий имеет, с одной стороны, условный и неочевидный характер, с другой, регулируется валентным движением выводимой системы и потому может быть воспринято как отображение, реализация для вербальной семантики потенциально возможного в ней, не специального и не специфичного для самих этих слов, своими востребуемыми системой вершинными сторонами лишь обращенными к ней. И, наконец, есть еще одно обстоятельство, влияющее на характер того или иного дифференцируемо соотносимого в какой-то подгруппе значения – место в концепции представления советской действительности для языкового сознания его (представления) носителей в отношении человека. Кем и чем является называемый человек для носителя данного представления, каково его место в том, что воспринимается, определяется как позитив отраженного в людях образа, впечатления, ощущения советской действительности, ее сенситива.

Попробуем на примере указанных в предыдущем абзаце лексических единиц выбрать, с учетом сказанного, те признаки, которые будут определять характер вмещающей втянутости опыта-приобщения. Оттолкнемся для большей наглядности от семантики самих этих слов. Блокадник – человек, переживший блокаду Ленинграда в 1941-1943 годах, тот, кто жил в осажденном городе, ощутивший на себе весь ужас войны, изоляции, голода, надеявшийся в полном отчаянии и безнадежности, оторванности от всех остальных, от (советской) страны, не сражавшийся, но остававшийся вместе со всеми советским, своим (в представлении позитивно заряженного, а потому идеологически аранжированного, образа советской действительности для сознания носителей). Остававшийся несмотря ни на что, вопреки всему – горький опыт пережитой невозможности для

себя ничего и никакого иного (опыта кроме советского), отпечаток в душе проживания жизни в смерти и отсюда возврат в начало, обращение, своего рода вспять, как проверка на прочность, к исходу, истоку того, что советское как свое человеческое, единственное возможное, для себя и в нем, как то, что держит и оставляет и остается в прожитом опыте и, в конечном счете, в душе. Жизнь – как витальное проявление, устремление, начало и одновременный конец земного существования, в стечении, совмещении начала-конца – приравняется упрямой ангажирующей прерогативой в блокаднике к тому, что советское, советское = жизнь в ее точке конца и начала, конца как начала, но не развернутого далее, а свернутого, как сгусток, аккумуляция, застывший в душе отпечаток-ком. Свернутое в ком и единственное, единственно возможное, хотя бы и тлеющее, для жизни, поскольку то, что вне, за границей охватывающего блокадой кольца, есть не советское, противоположное, альтернативное и враждебное, вражеское, несущее смерть и сама воплощенная смерть. Вмещающая втянутость опыта-приобщения в показанном проявлении места блокадника в восприятии образа советской действительности для советского языкового сознания связывается, таким образом, с представлением обращения к единственному возможному как началу-истоку (позиция 1 пятивалентного соотношения), а советский опыт и приобщение к нему в человеке может быть интерпретирован в отношении витального проявления-ощущения советской действительности как человеческой жизни (человеческих жизней).

Сталинградец, в условиях сказанного, как тот, кто участвовал в обороне города, воин и житель, сражавшиеся в нем до конца, своей непреклонной волей, готовностью отстоять и отстаивать каждый дом, каждую пядь советской земли до конца, в едва ли не самой кровавой и страшной по силе уничтожения битве второй мировой войны, решающей для судеб страны и мира, сумели показать, проявить негибкую силу воли и непоколебимость советского человека, свойственные ему и в нем проявляющиеся в моменты особой опасности, связываемой с угрозой существования советской действительности, советской жизни и советской страны. Все это позволяет предположить позицию 2 в отношении разбираемого основания витального приобщения-опыта.

Фронтовик как тот, кто во время войны оказался на фронте, был под обстрелом, на передовой, воевал, отличился и вышел, пройдя все возможное и невозможное, близкий от смерти, благодаря которому удалось победить, удержаться и выжить, в контексте языкового сознания советской действительности воспринимался и определялся тем, кто, вынеся фронт и войну на своих плечах, обеспечил свободу и

жизнь всем советским людям. Значения, связываемые с понятиями о передовой, о фронте, о ведении военных действий в непосредственной близости от врага и, наконец, о победе, полученной в результате приложенных неимоверных усилий с риском для жизни, дают возможность, в качестве профилирующих и ведущих, предполагать активизацию признаков позиции 3 (поддержка осуществляемого выхода ударной силы, приложение сил). Значения признаков позиций 4 и 5 (обеспечение и достижение, в связи с семантикой сохранения жизни и победы) можно рассматривать как последующие и проективные. Последовательность проекций фронт – защита отечества – победа, релевантных для фронтовика, со всеми следующими из них подзначениями (наступательность, выход вперед, на рубеж, позиция рубежа, близость носителя жизни к смерти, советского человека к врагу, ударная сила такого выхода – в отношении фронта; обеспечение и сохранение, предохранение от уничтожения существующего, имеющегося, того, что составляет витальный смысл советского бытия – в отношении защиты отечества и достижение, обретение необходимого результата – в победе), обращаясь вокруг позиций 3, 4 и 5, предполагает в качестве главной для данного слова ту, которая апеллирует к фронту. Будучи определяющей, в комбинаторном своем отношении позиция 3 выступает как мотивация и как средство по отношению к 4 и 5, позициям, важным для реализации окончательной и объемлющей цели (*opus finitum*) советского существования, т.е. как обеспечение того, что служит возможности достижения, не являясь сама таковым.

Из приведенного рассуждения относительно отражения позиций в общей семантике советизированно ориентированного слова можно сделать вывод о роли значений и под-значений позиций в их сочетаниях применительно к референтному и(ли) сигнификативному, а с этим политизированного, идеологизированного, воспитывающего, пропагандистского и др. компонентов вербальной семантики для языкового сознания. Позиция 3 для фронтовика может быть охарактеризована как позиция релевантная прежде всего в отношении референта. В то время как 4 и 5, имея в большей степени ассоциативно-коннотативный и сигнификативный характер, дают возможность для реализации ангажируемых апеллятивных и дидактических, воспитательных, смыслов. Вписываемость семантики слова советизированного языка в воспитательную сверхзадачу, использование языка и слов языка в их расширенно-уточненных сопровождениями значениях, имеющих не контекстный, а закрепленный характер, в подобного рода, к тому же еще отличающихся своим постоянством, целях, – делают этот язык не просто идеологизированным, каким его принято определять, не только языком идеологии и ритуала, но и культа. Свойство, дающее возмож-

ность предполагать, без углубления в тему, закрытость семантики для непосвященных и не своих, что отнюдь не одно и то же и означает, помимо наличия не объявляемого многослойного *sacrum*, необходимость знания и проживания-опыта для верного понимания и ориентации в вербальной, со свойствами невербальной, семантике. Со свойствами невербальной, поскольку, не скажем, что наделенной магической, как в собственном ритуалах и культах, но намагниченной функцией, с последствиями нередко экзистенциального ряда и вида. Эти знание и проживание-опыт, дифференцированные по уровню и отношению к *sacrum*, дают возможность по-разному и вместе с тем с различным характером уточнения и достоверности понимать, точнее было бы говорить, ощущать, но это не в каждом случае, семантику слов и отдельного слова. Различные и в чем-то существенном общие знание и переживание-опыт, накладываясь на язык, сочетаясь и согласуясь с ним, способны давать различные при своем взаимодействии с ним, т.е. с языком, результаты. Попробуем показать это на следующем примере.

Так же как определение предыдущего слова, предполагало, как неизбежное, понимание, чем был фронт во время войны 1941-1945 гг. и, соответственно, фронтовики, фронтовик, как ее участники, для советских людей в их, представляемом для них как общие, знаниях и переживании-опыте, так же, для понимания и определения чернобыльца, необходимо представить, чем должны были быть (не обязательно были, поскольку важна в данном случае категория оптатива, а не индикатива) для советских людей чернобыльца и Чернобыль. Как факт катастрофы, которой не удалось ни предвидеть, ни избежать, ни, в конечном итоге, в ее последствиях устранить, Чернобыль обнаружил в своем воздействии на сознание, в том числе и языковое, советского человека значение в известном смысле переворотное, став, подкрепленный апокалиптическими аллюзиями (звезда Польша) и перестроечными сопровождениями, свидетельством, видимым знаком конца. Среда, экология, окружение, подвергшись неотвратимому действию сил, вызванных к жизни советским строем, его людьми, их достижениями и трудом, и вырвавшихся из-под контроля, высвободившихся в своем стихийном и разрушительном, неуправляемом, как оказалось, и уничтожающем тех, кто их создал, начале и действии, эти советские, по своему существу, экология и среда стали внутренним выражением идеи пассивной жертвы, посвящаемой и приносимой во имя каких-то, кому-то нужных и проповедуемых идей. Не столько, если быть точным, сознательно и намеренно приносимой и посвящаемой жертвы, сколько жертвы в силу неотвратимых последствий и обстоятельств, неконтролируемой неизбежности, головотяпства, бездарности, неспособности и т.д. и т.п.

всех тех, кто решает, стоит у руля и руководит, кто направляет и от кого зависит. То есть, как неизбежное следствие, самой, таким образом организованной и работающей, так вот устроенной советской системы. Ощущение в этом опыте-переживании, а затем и осознаваемое, формулируемое средствами массовой информации, положение жертвы и жертвенности, распространившись на всех, почувствовавших себя, как тогда об этом писалось и говорилось, заложниками системы, наиболее полное свое воплощение получило в представлении о чернобыльцах – равно как тех, кто более других и в первую очередь пострадал, так и тех, кого на подобную пробу выставили, т.е. участников ликвидации последствий чернобыльской катастрофы (оба значения см. [Толковый словарь русского языка конца XX в.]).

Функция позиции 4 – обеспечение безопасности проявившейся силы выхода (созданием АЭС в данном случае), ее поддержка, предохранение, сохранение, гарантия безопасности и надежности, – рассчитываемая на своих героев, чернобыльцев-ликвидаторов, и тех, кто защита, охрана, ограда по месту, оберегающая капсула направляемой силы и общего организма, кто поставлен на этом посту, чернобыльцев – жителей города и работников электростанции, эта функция обнаружила сбой, показала свою неспособность. Те, кто защитники и с этим герои, кого привычно было видеть и чувствовать как надежные руки и верные сердца, кто не подведет, защитит, отведет и предотвратит, обеспечив победу и достижение, даже в самых трудных и невозможных, превышающих человеческие возможности (но не для большевиков и не для советских людей!) обстоятельствах, эти защитники и герои, оставшись и будучи ими, не предотвратили и не смогли, в силу своей человеческой ограниченности, предотвратить катастрофы, поставившей под вопрос само человеческое, а с этим и неизменно советское, существование. Триумфального шествия не получилось, вынеся из всего этого социального опыта ставшую вдруг очевидной публичную мысль о заложничестве, невозможности выбора и обреченности человека в системе, подчиняющей его себе и его перемалывающей, приносящей в жертву своим желаниям и амбициям, своему оптимизму, заставляющей о себе к тому же еще говорить и думать в желательном для себя ключе, далеком, если не прямо противоположным тому, чем она в действительности, индикативе, по-настоящему есть.

Вторую группу слов разбираемого основания обдуктива (советского опыта-приобщения), третьего для отмеченности как параметра в описываемой парадигмосистеме, составляют афганец, льготник, панфиловец. Слова эти в их интересующем нас отношении, прежде чем сопоставить между собой, с тем чтобы выявить

вершинные притяжения к исследуемой системе, имеет смысл определить в каком-то объединяющем их отличии от рассмотренных перед этим блокадника, сталинградца, фронтовика, чернобыльца. Семь уровней описания [Червиньски 2009/2], позволяющих довольно подробно определить дифференцирующие семантические признаки сопоставляемых семем, могут по-разному и не всегда непременно учитываемым образом находить свое отражение в раскрываемой системе. Преследуя цель описать либо, по крайней мере, выйти на описание ментальной и сенситивной, даваемой в ощущениях, парадигмы советского языкового сознания, отталкиваясь от средств советской вербальной семантики, интерпретируемой в понятиях смыслового кода, – преследуя подобную цель как желательную, необходимым виделось бы не столько последовательное обнаружение признаков каждого уровня из семи предложенных, сколько определение того, чем является в парадигме советского представления тот или иной разбираемый параметр и основание. С тем чтобы далее, на этой основе стараться увидеть специфику воплощаемых в вербальной семантике признаков разбираемой парадигмосистемы. Применительно к определяемому ее фрагменту вопрос надлежало бы ставить в том отношении, в каком советские приобщение и опыт способны себя различать таким образом, каким один ряд слов может выразить для себя в каком-то отличии от другого такого же ряда. Что составляет семантику специфичности этого опыта в некотором отличии, себя обнаруживающем в одной и в другой группе слов. Вопрос можно и, видимо, следует также поставить еще в одном отношении, способном предложить интересующий ключ – приобщение к чему в переживании советской витальной действительности объявляют себя, с одной стороны, те признаки, которые были замечены в четырех рассмотренных блокаднике, сталинградце, фронтовике, чернобыльце по сравнению и в отличие от трех других (афганце, льготнике и панфиловце).

Искомое противоположение можно было бы определить как такое, которое, с одной стороны, предполагает внесение, внедрение, включение в переживание, вчувствование и сочувствование, своего рода эмпатию и симпатию, адаптацию, аккомодацию советского приобщения-опыта для первых четырех слов и выдвижение, вынесение, отделение от себя, дистинкцию, дизъюнкцию и сецессию для трех вторых.

Попробуем теперь уточнить и несколько объяснить семантику сказанного. Опыт советского приобщения к носителям определенного, в данном случае идеей отмеченности, позитива предполагает (для большей точности – предполагал) их восприятие для себя и социальной советской среды, не входящей в сферу очерчиваемой отмеченности, по крайней мере в двух

отношениях. Либо как к тем, в ком видят как бы других себя, к кому ощущается адаптивное и присваивающее, сочувственное (эмпатическое) и уподобляющее, служащее примером и образцом (симпатическое), притягивающее и воздействующее, настраивающее, в том числе и пропагандистской системой, отношение. Отсюда возможны и правомерны такие определения, как адаптация, от лат. *adapto, atum* 'приспособлять, прилаживать', *apiscor, aptus sum* 'достигать, доходить'; 'постигать, усваивать', и accommodation, от лат. *accommodo* 'прилаживать, привешивать'; 'приноравливать, сообразовывать, приспособлять, согласовывать'. Либо, с другой стороны, отношение вынесения, как к тем, кто отделен, ни в чем не похож и не может никак быть похож на других, существующий по этой причине в себе для себя, в силу невозможности, неприменимости, неприложимости – дистинктивности его такого особого, а потому и не уподобляющего и не адаптируемого, не симпатического, переживания-опыта. Так он воспринимается, этого вида опыт, и так же передается, в таком оформлении и внутреннем, заряженном, сопровождении средствами пропаганды. Отсюда уместными были бы такие определения для него, как дистинкция, от лат. *distinctio* 'разделение'; 'различение, распознавание'; 'специфичность, отличительный признак, отличие'; *di-stinguo, stinctum* 'размечать, отделять, разделять'; **stinguo* 'колоть'; дизъюнкция, от лат. *disjunctio* 'разобщение, обособление'; 'различие, несходство, расхождение'; *disjunctus* 'отделенный'; 'не находящийся в связи, отличный, противоположный'; *disjungo, junctum* 'разобщать, отделять'; 'удалять, отклонять'; 'проводить отличие, не смешивать'; или сецессия, от лат. *secessio* 'отход в сторону'; 'отделение, уход'; *secessus* 'удаление, уединение'; *se-cedo, cessum* 'уходить, удаляться'; 'отделяться, отходить, откалываться'.

Афганец 1 (Разг. Участник войны в Афганистане 1979-1989 гг. [Толковый словарь русского языка конца XX в.] и ср.: афганцы 2. Разг. О советских воинах, принимавших участие в военных действиях на территории Афганистана (1980-1989) [БТС]), в рассматриваемом ключе, мог бы определяться как тот, кто, воспринимаемый в его дистинктивности в отношении пережитого опыта, в советском своем приобщении тяготеет к позиции 3 – ударной, вынесенной вперед, за рубеж, из себя, поддержки осуществляемого выхода прилагаемой силы, а также и, как обратное, воспринявший, испытывший, переживший на себе такой же ответный удар (невольная жертва выносимых вперед, за пределы необходимого и достаточного, т.е. защитного, силовых и ударных амбиций советской системы). Панфиловец (ПАНФИЛОВЦЫ, вцев, мн. (ед. панфиловец). Воин 316-й стрелковой дивизии, героически сражавшийся под командованием генерал-майора И.В. Панфилова в Московской битве. БЭС, 967 [Мокиенко, Никитина

1998]), также отдельный и дистинктивный в своем пережитом опыте, воплощает собой идею необходимого обеспечения проявившейся силы защитного выхода, предохранения, сохранения, оправдания, укрепления (позиция 4 в описываемой парадигмосистеме). И, соответственно, льготник, как имеющий льготы, делающие его непохожим, отделяющие его от других, воплощает собой в определенном смысле опытно переживаемую идею советского достижения, результата (5).

Рассмотренные значения приобщения-опыта (обдуктива), как третьего основания отмеченности, можно представить в следующей схеме:

I уровень: отмеченность

II уровень: приобщение-опыт (обдуктив)

III уровень: вмещающей втянутости

IV уровень: адаптация / дистинкция (воспринимаемого приобщенного опыта)

<i>адаптация</i>	<i>дистинкция</i>
1. советская жизнь в ее точке конца и начала: <i>блокадник</i>	1.
2. несгибаемая сила воли и непоколебимость: <i>сталинградец</i>	2.
3. выход на передовую с целью обеспечения того, что составляет витальный смысл советского существования: <i>фронтовик</i>	3. удар-испытание долгом: <i>афганец</i>
4. предотвращение неотвратимой гибели: <i>чернобылец</i>	4. обеспечение необходимой защиты: <i>панфиловец</i>
5.	5. результатив возможного отделенного получения: <i>льготник</i>

Определение соотношений внутри обдуктива обретенного достижения для таких слов, как заслуженный, дояр-пятитысячник, доярка-миллионерша, доярка-трехтысячница, мать-героиня, отличник, имеет смысл начать с представления о том, чем является каждый из них в прокламируемой проекции советского приобщения-опыта, каково их возможное и полагаемое место в персонифицированном позитиве советской действительности. Для начала можно было бы разделить рассматриваемую группу слов на две последующие, в одну из которых попали бы заслуженный, мать-героиня, отличник, а в другую, соответственно, дояр-пятитысячник, доярка-миллионерша, доярка-трехтысячница. Основанием такого деления было бы становление-состояние обретенного в достижении для первой подгруппы и движущаяся, развивающаяся, не завершающая себя соразмерность, мерность достигнутого обретения для второй. Указанное основание имеет смысл рассмотреть в двух проекциях-

отношениях. Применительно к схеме пяти позиций, уже себя проявившей как исходное и направленное, исходность / направленность, поощряемой деятельности окружения-индуктива [Червиньски 2009/2] и в приложении к определяемым в подгруппах словам.

В первом таком отношении, применительно к пяти позициям, можно было бы говорить об особенностях обретенного достижения как о чем-то имеющем процессуальный характер, о том, что способно к движению, изменению положения, которое может быть измеряемо и отмечено, фиксируемо в какой-то своей отметке и оформлении, своем таком виде как данность. Иными словами, чтобы быть, стать заслуженным, или матерью-героиней, или отличником, равно как и дояром-пятитысячником или дояркой-миллионершей, необходимо такого своего состояния, положения достичь. При этом должен произойти, состояться такой момент, который и станет моментом отметки (не будем говорить, поскольку это в данном случае не имеет значения, с точки зрения или с позиции и в представлении кого, кто арбитражно решает, определяет, меряет и назначает такое отмеченное в определяемом лице состояние). До этого времени, положения, метки лицо не является (не считается, не определяется) как заслуженный, мать-героиня, отличник, дояр-пятитысячник, доярка-миллионерша, становясь таковым именно с определенного времени-места. Различие между первой и второй подгруппой указанных слов сводимы к позиции 3 и 4 рассматриваемого отношения как движения-процесса для обретенного достижения. Позиция 3 предполагала бы идею обретенно передвигающейся, остановленной как бы на данный момент, в данной точке, отмеченной меры – вот сейчас, на данное время человек этот является дояром-пятитысячником (надоил, надаивает по пять тысяч литров молока от коровы в год), или дояркой-трехтысячницей (надоила, надаивает по три тысячи литров), или дояркой-миллионершей (миллион литров в год от всей группы своих коров). Но к этому он должен был перед этим идти и стремиться и этого достигать. До этого времени и точки в своем таком продвижении он им таким не был, такой своей меры в себе, для себя не достиг. Во времени вероятного будущего, к этому необходимо добавить, он должен, для того чтобы сохранить такой свой достигнутый результат и быть тем, чем является на сегодняшний день, делать столько же и не меньше, а если меньше, то им не будет, а если больше, то может, способен оказаться и стать уже кем-то другим, с большей мерой и в большем своем отмечаемом для него достижении. Позиция 4, с другой стороны, отмечает достигнутое не столько как перемещаемую и вероятную в ином своем отношении и(ли) измерении меру, сколько как состояние, положение уже обретенное и свойственное, опреде-

ляющее и характеризующее человека в какой-то им перед тем уже преодоленный, осуществленный момент (пересечение отделяющей данное положение от другого черты). В силу ли собственных, отмечаемых заслуг (заслуженный), в силу ли осуществленных и необратимых, не могущих быть теперь иными действий для матери-героини, в силу ли внутренних качеств, способностей человека, делающих и определяющих его как отличника. Если кто-то заслуженный на сегодняшний день и стал уже им, или мать-героиня, равно как и в определяемом отношении и смысле отличник (поскольку это его характеризующая, а не отмечающая меру черты), то он уже не заслуженным, не матерью-героиней, также как и не отличником в принципе быть не может. Смена такого их положения-статуса предполагала бы становление другим человеком – через лишение звания, скажем, в заслуженном, преобразование отличника производителя или учебы в кого-то другого, с утратой, потерей его самого для себя самого и т.п.

Исходность – направленность позиций 1 и 2 поощряемой деятельности рассмотренного ранее окружения-индуктива [Червиньски 2009/2] переходит, тем самым, в процессуально воспринимаемом характере обретенного достижения для опыта-приобщения (обдуктива) в позиции отмечаемо-поощряемой меры приложения сил (3) и преодоленного отмечаемой чертой становления-состояния (4). Данное положение позволяет, с одной стороны, говорить о возможности проявления трех других потенциальных позиций для данного основания (1, 2 и 5), характеризуя его природу как внутренне динамическую, и о развитии, с другой стороны, и опять-таки внутреннем, соотносимых между собой, реализованными своими позициями, с идеей перехода-подхвата (от 1 – 2 к 3 – 4), тех или иных, согласующихся поэтому по природе своей, оснований внутри парадигмосистемы.

Размещение по позициям точек ориентированных к схеме смыслов представляемых слов в отношении отмечаемой меры можно было бы представлять как обусловленно соотносимое, т.е. такое, для данного случая, которое предполагает развитие общей идеи удоев, рекордов доения и т.п. применительно к прокламируемой проекции советской действительности. Дояр-пятитысячник, в этой связи, мог бы восприниматься как значимо, ударно высокая мера желательного приложения сил (позиция 3), направляемых к полному и необходимому обеспечению молоком, молочными продуктами и товарами сельхозпроизводства советских людей. В указанном представлении можно увидеть отображение также других позиций: направляемых (2) к обеспечению (4). Молоко, молочные продукты, другие товары сельхозпроизводства, имеющие пропагандистски и реально определяемое, постоянно к тому же по-разному актуализируемое, значение для советской дей-

ствительности также могли бы быть вписываемы в позиционные отношения, соотносясь с тракторами, автомобилями, самолетами, танками и т.д. и т.п. в системе общего представления советской языковой картины мира. Интересующие нас дояр, доярка и др., безусловно, связанные с представлением общего как его, соответствующие, проекции и отражения, в рассматриваемом здесь фрагменте оборачиваются, однако, не к трактору и не к молоку, и даже не к осуществляемым ими рекордным удоям, а друг к другу, в соотношении ими самими в себе, для себя отмечаемых свойств применительно к основанию обретенного достижения для советского приобщения-опыта (обдуктива). При такой постановке вопроса дояр-пятитысячник будет отличаться, в сенсорике приобщения-опыта, от доярки-трехтысячницы тем, что, если в нем воплощает себя ударно высокая мера необходимо-желательного для обеспечения граждан молочной продукцией, приложения сил, то в ней ее, несколько меньшая, мера и для того же будет восприниматься, в сопоставлении с ним, скорее, как обеспечивающая (позиция 4) и поощряемая. Немаловажным для ощущения соотносимого в позициях 3 и 4 смысла является также и то, что дояр и что доярка, поскольку доение воспринимается как профессия женская (обеспечивающая функция в отношении социальной роли), а потому применительно к ней как доярке ничем специфическим, помимо количественного определения, отмечаться не будет, что и находит свое отражение в идее обретенного ей достижения. Дояр-мужчина, в контексте советского знания, предполагает особую значимость, а потому и необходимость большего проявления силы с его стороны (ударность, позиция 3), по сравнению с привычной дояркой. Доярка-миллионерша, в контексте определяемых соотношений, могла бы рассматриваться как достижение максимально возможного мыслимо допустимого результата (позиция 5). Субъективно трудно себе представить нечто большее, чем миллион, в отношении надоенного одним человеком, к тому же женщиной, советской труженицей. Это своего рода высший возможный и достижимый предел для данной профессии, а потому и реализуемый, не случайно, но в силу закладываемой идеи типичности, в слове доярка, не дояр. Дояр-миллионер мог бы вызвать, с одной стороны, представления совершенно иного рода (обладатель, скажем, миллионов рублей), а с другой, быть следствием непосредственного соотнесения с такой же миллионершей-дояркой, выступая не как узуальное, но как контекстное словоупотребление.

Аналогичным образом можно было бы отнести, применительно к становлению-состоянию обретенного достижения, отличника, как проявленную в нем идею ударного приложения сил, к позиции 3; мать-героиню, в ее отношении к детям, как обеспеченному, сохра-

ненному и поддержанному ею, тем самым, советскому будущему (охрана и ограждение, гарантия продолжения) – к позиции 4; и заслуженного – как воплощенный, итоговый результат отмечаемого достижения – к позиции 5. Вся разбираемая группа выглядела бы тогда следующим образом:

I уровень: отмеченность

II уровень: приобщение-опыт (обдуктив)

III уровень: обретенного достижения

IV уровень: модулятив (мера приложенных сил) / фактитив (становление-состояние)

<i>модулятив</i>	<i>фактитив</i>
1.	1.
2.	2.
3. ударно высокая мера приложения сил: <i>дояр-пятитысячник</i>	3. максимум достигаемого осуществления: <i>отличник</i>
4. необходимость полного обеспечения: <i>доярка-трехтысячница</i>	4. обеспечение сохранности и продолжения: <i>мать-героиня</i>
5. максимум мыслимо достижимого результата: <i>доярка-миллионерша</i>	5. итоговый результат: <i>заслуженный</i>

Следующим, четвертым в порядке развития, основанием рассматриваемого параметра отмеченности будет основание положения, или ситуатива. Особенность соотносимых с ним семантических признаков проявляется в том, что они раскрывают типичные для советского образа жизни, советской действительности и советского существования отношения, обусловливаемые положением, местом, позицией, статусом, исполняемой должностью (но как местом и положением), отнесенностью к некоей группе – как к тому, что накладывает печать, служит меткой и средством распознавания человека в общей структуре, в общественном организме, позволяя правильно и адекватно к нему относиться, его оценивать, воспринимать и о нем судить. Фактически речь здесь идет о месте для человека как способе селективного и правильным образом ориентированного отношения к нему, как в целом, так и в какой-либо данный, востребуемый в связи с чем-то, с какими-то обстоятельствами, момент. В известном смысле такие места и позиции можно бы интерпретировать как социальные роли, но мы останемся и будем придерживаться избранного для описания пятивалентного соотношения, которое, в продолжение к предыдущим трем (отличительность, окружение, приобщение-опыт), предполагает проекцию для четвертого какого-то своего советского положения, или ситуатива.

Поскольку слов, относимых условно к данному основанию, выделилось довольно много, попробуем для начала разбить их на группы, или ряды, уяснив себе признаки, профилирующие в том или ином отношении, советское по-

ложение, состояние, или ситуатив. Одним из таких оснований, предполагающих группу, могло бы быть нечто, дающее представление об особом, объясняющем исключительность обозначаемого лица в советской системе, положении. Социальная мотивация исключительности такого его положения, значения которой будут раскрыты на последующем уровне, могла бы себя отразить в семантике слов такого ряда: первоочередник, лимитчик, остронуждающийся, дети (как те, которым все лучше).

Вместе с другим основанием могло бы вводить себя представление об особенностях советского положения, предполагающих нечто свое и собственное, отличающее систему советского общественного бытия от чего-то иного, вносящее в обиход социального существования признаки нового состояния для человека: безотрывник, выдвигенец, сезонник, совместитель, молодой специалист, нуждающийся, кремлевский горец, гость (гости нашего города), дети (разных народов), боевой друг и товарищ, дружище (лесоруб, работающий с бензопилой «Дружба» [Мокиенко, Никитина 1998]), крылатый земледелец, очередник, первостроитель, президент (рабочих и крестьян), полноправный труженик, соцсовместитель, съёмщик (ответственный).

Следующее основание предполагало бы некую дополнительную, супплементарность, в отношении социального положения человека, а также знания и представления о нем. Дополнительность эта имеет, может иметь, двуправленный смысл: в отношении обозначаемого лица, как его еще одна характеристика, по принципу «к тому, кто он есть, он еще и вот это другое», и в отношении самой советской общественной, социальной системы, не требующей, но допускающей, предполагающей, позволяющей в каких-то случаях, на какой-то момент, для каких-то своих дополнительных целей, еще одно проявление и общественное лицо в отношении человека. К этому ряду можно было бы отнести, из выбранных, такие слова: вечерник, заочник, втузовец, вузовец, рабфаковец, дзержинец, воин-интернационалист, красный офицер, пэтэушник, профкнижник, красный юнкер.

Еще одно основание предполагает возможность говорить об особенности положения обозначаемого лица в социальной структуре, его отделенности и обособленности, выделенности и вынесенности в отношении и на фоне всех остальных: горкомовец, завкомовец, исполкомовец, комитетчик, обкомовец, парткомовец, райкомовец.

И, наконец, последнее основание сводилось бы к уточнению его положения в отношении свойственной ему, приписываемой, отличающей его от других и прочих общественной деятельности, проявлению в этой деятельности: женорг, ответработник, партработник, райком-

щик, женделегатка, сотрудник (научный, младший, старший).

Мотивирующая исключительность советского положения предполагает проекциями следующие вероятные подзначения: 1) несомненность прав получения, приобретения положенного, в первую очередь, перед всеми, раньше всех остальных – первоочередник; 2) положение, состояние получения, обладания определенным правом, правами вследствие, в результате возможного, допустимого, но ограниченно-го норматива – лимитчик; 3) потенциальность возможного получения, мотивированная намеренность, обуславливаемая «силой нужды» (от него, от того, кому что-то положено) – остронуждающийся; 4) положение, состояние, предполагающие предпочтение, исключительность в силу возраста, незащищенности, развития, вероятного проявления в будущем ожидаемой отдачи и полноты, в силу их становления, роста – дети (все лучше детям).

Указанные соотношения внутри основания исключительности, назовем ее эксцептивом, вводят новое представление о пятивалентном характере сопологаемых значений: несомненность, тяготеющая по своему смыслу к начальной точке, к исходу (позиция 1); ограниченный норматив, что можно было бы отнести, с учетом внутренней логики его характера, к точке последующего, т.е. направленности, заряженности, готовности (позиция 2); потенциальность, собственно говоря, укрытая в ней потенция силы, в отношении ощущаемой, переживаемой «нужды» (позиция 3); компенсация недостающей, в силу незащищенности и развития, становления, полноты (позиция 4). Позиция 5, таким образом, остается незанятой. Параметром основания исключительности, получившим развитие на примере рассмотренных слов, было бы отношение к получению, обладанию, мотивируемые правом (правами), вводимыми, предполагаемыми, налагаемыми советскими обстоятельствами. В первом случае это право первоочередника, т.е. первого в ряду остальных, ставшего первым, оказавшегося первым, появившегося раньше других (по ряду и череде, в последовательности, цепочке, в поступательном наступлении, серии, проявлении, объявлении, становлении одного за другим – секвенция, градуальность, ранжирование). Во втором – это право нормой предполагаемого, накладываемого в силу условий ограничения (ограничительный норматив), которому должен соответствовать данный субъект. В третьем, как уже говорилось, таким правом оказывается сила его нужды, потенция обусловленной положением необходимости (потенциальностный реквизи-тив). В четвертом – право своего рода перспективного компенсатива. Каждый из этих указанных признаков, связанный с представлением мотивирующей исключительности положения, следует из особенностей некоторых советских

концептуальных мотивов, руководящих в советском обществе и ориентирующих языковое сознание его представителей на восприятие определенных вещей. Речь, тем самым, идет о фрагменте того состояния советской языковой картины мира, которое вводит в сознание ее носителей представление о том, что и почему может или должно отличаться правами в отношении получения, приобретения в первую очередь, в иной очередности, не в общей последовательности, не так, как у остальных. Данные отношения, естественно, не исключают возможности проявления для каких-то других, однако в материале выбранных слов себя не проявивших, соположений и связей.

Основание свойственности, своеобразности нового вероятного положения человека (адъюнктива), порождаемого, накладываемого, вносимого советским строем, советскими отношениями для него, могло бы также далее подразделяться по пяти валентно соотносящимся признакам. Первый из них можно было бы сформулировать в представлениях отделенности, обособленности, невозможности или несвойственности, всем остальным – как того и такого, кто здесь от начала, истока, кто первый строил и создавал (позиция 1): первостроитель; того и такого, который является представителем, пусть и высшим, руководящим и направляющим новое общество, новый общественный строй и его ведущие социальные группы и классы (позиция 2): президент (рабочих и крестьян); того и такого, который сидит на своем верху, все видит, все знает, все имеет и всех имеет – высшая точка прилагаемой силы (позиция 3): кремлевский горец; того и такого (таких), которых необходимо встретить и проводить, познакомив их с достижениями, обеспечив, тем самым, себе в их лице одобрение, защиту на будущее и поддержку при каких-нибудь там условиях и на случай чего (позиция 4): гость (гости нашего города).

Второй такой признак укладывался бы в представление об особой готовности, заряженности, предрасположенности к дополнительно предполагаемому проявлению, действию, налагающему специфические обязанности и требующему мобилизации, включения либо соответствия им (выделенность намерения свойственности) – в отношении точки исхода, выхода из состояния «покоя» прежнего, до выдвижения, положения, потянутой призывности доверием и ответственностью (позиция 1): выдвигенец; в отношении способности к требующему особых усилий проявлению-действию, «готовый и намеревающийся» соответственным образом себя проявлять (позиция 2): совместитель; в отношении того, кто работает, не покладая сил, проявляет себя в полную меру (позиция 3): безотрывник; в отношении того, кто, действуя периодически, время от времени, тем самым не полно, не в полную меру, но все же каким-то необходимо достаточ-

ным, хотя бы и не поощряемым, образом, обеспечивает своей работой, участием некое общее дело (позиция 4): сезонник.

Третий признак дает представление высокой меры и полноты проявления – начинающего как исходного (позиция 1): молодой специалист; летящего, а потому ощущаемого в своем направляемом, намеревающемся устремлении вверх, к вертикали (мобилизация и готовность позиции 2): крылатый земледелец и проявляющего себя в максимально возможном осуществлении сил (позиция 3): полноправный труженик.

Четвертый признак регулирует для основания свойственности отношения состояния и социальной позиции – применительно к точке начала-исхода как объясняющей его неустроенность, недостаточность, требуемость для удовлетворения, восполнения (позиция 1): нуждающийся; применительно к следованию, порядку, готовности, приготовлению, ожиданию к удовлетворению (позиция 2): очередник; применительно к его способности, умению, роли, значимой полноте для советского общества предоставляемых возможностей (позиция 3): соцсовместитель; применительно к поддержанию, оправданию и оправданности такой его специфической, свойственной, роли, для социального организма, советского коллектива, жилищного кооператива (позиция 4): ответственный съемщик.

Пятый признак, представленный наименьшим числом, регулирует представления, укладываемые в отношения достижения, осуществления, реализации в действовании – применительно к значению начала-исхода (позиция 1): дети (разных народов); полноты проявления силы (позиция 3): дружбист и поддержки, обеспечения, сохранения и надежности (позиция 4): боевой друг и товарищ.

Основание дополнительности, супплементарности (супплетива), разделялось бы в следующих отношениях: с точки зрения дополнительности обучения-производства (социального (само)развития, его направленности – позиция 2), в проекциях к меньшей, исходной (1) – заочник и большей, заряженной, ангажируемой (2) такой направленности – вечерник; с проявлением большей (3), с учетом участия в общественном производстве, силы – втузовец либо меньшей, поддерживающей, обеспечивающей будущее страны (4) – вузовец; с точки зрения дополнительности общественного проявления-участия (позиция 3), в проекциях его исхода-начала (1) – пэтэушник; нацеленного намерения (2) – рабфаковец и получения – (само)обеспечения (4) – профкнижник; с точки зрения обеспечивающей общественное существование, состояние поддержки (позиция 4), в проекциях к началу-исходу (1) – дзержинец; намерению, ожиданию, направлению, приготовленности (2) – воин-интернационалист; полноте проявления силы использования (3) – красный

офицер и поддержки, обеспечения тыла (4) – красный юнкер.

Основание отделенности, выделенности, вынесенности на фоне всех остальных (сепаратив) укладывалось бы, соответственно, в отношения двух рядов – ведущего и направляющего (позиция 2) и сопровождающего и поддерживающего (позиция 4) соположения применительно к общей идее осуществления воли и власти. С проекциями первого ряда соотносимых по степени мер проявления первого как исходного и минимального (1) – райкомовец, следующего за ним второго, над ним, и как намерение, готовность (2) одновременно, служить, подчиняться, последующему – горкомовец, более высокому над тем и другим в своей полноте (3) проявлению общего смысла обладания как ведения и направления (руководства) – обкомовец, с тем чтобы найти свое основание и поддержку, обеспечение в точке (4) – исполкомовец. Проекция второго ряда (позиция 4) предполагают в значениях отношения к точке 2 – носитель отмеченной власти как ею заряженный (зараженный) в ее направляющем волю, характер его положения сепаративе: комитетчик; к точке 3 – как выражение наибольшей по силе идеи типично советского сепаратива, отделяющего его от других в парткомовце и к точке 4 – как воплощение идеи поддержки, обеспечения себя осуществляющей власти: завкомовец.

Расположение внутри последнего, пятого, основания, предполагающего отношение к проявлению в деятельности (своего рода действие-задействие, узитатив), с учетом, отчасти, уже рассмотренного, виделось бы в отношении двух не соотносимых рядов – нацеленности (позиция 2), с проекциями к точке 2, как организатор и руководитель (женорг), к точке 3, как выразитель женской позиции, воли и полноправный участник организованного социального действия (женделегатка) и к точке 4, как исполнитель, поддерживающее и обеспечивающее, винтик в общественном организме (научный сотрудник, с внутренним подразделением позиций на 3 и 4 – старший, младший) и (позиция 3) полноты допустимой реализации, с проекциями, соответственно, к точке 2, направленность и готовность, заряженность, озабоченность, озадаченность (ответработник), к точке 3, в ее вершинности к приложению сил, со всеми отсюда последствиями к обязанностям и возможностям (партработник) и к точке 4, обеспечивание, раздобывание, бегание, работник на все и на вся (райкомщик).

Рассмотренное четвертое основание параметра отмеченности – советского положения, состояния (ситуатива), можно было бы показать обобщенно в его проявлениях следующим образом:

I уровень: отмеченность

II уровень: положение-состояние (ситуатив)

III уровень:

(1) исключительность (эксцептив) –

(2) свойственность (адъюнктив) –

(3) дополнительность (супплетив) –

(4) отделенность (сепаратив) –

(5) задействованность (узитатив)

IV уровень:

1. исключительность:

1 секвентная несомненность (первоочередник) –

2 ограниченный норматив (лимитчик) –

3 потенция силы нужды (остронуждающийся) –

4 компенсация недостающего (дети, которым все самое лучшее)

2. свойственность:

1 отделенность –

2 выделенность намерения –

3 представление высокой меры и полноты проявления –

4 состояние социальной позиции –

5 реализация в действии.

V уровень:

1 отделенность

(1) первого: первостроитель

(2) высшего направляющего: президент (рабочих и крестьян)

(3) сидящего наверху: кремлевский горец

(4) обеспечивающего поддержку внешнего: гость (гости нашего города)

2 выделенность намерения – в отношении

(1) призванности: выдвигенец

(2) готовности к проявлению: совместитель

(3) проявления в полную меру: безотрывник

(4) периодически проявляемого обеспечения: сезонник

3 представление высокой меры и полноты проявления

(1) начинающего: молодой специалист

(2) устремленного вверх: крылатый земледелец

(3) максимального: полноправный труженик

4 состояние социальной позиции – применительно к

(1) требовости восполнения: нуждающийся

(2) следованию к удовлетворению: очередник

(3) значимой полноте возможностей: соцсовместитель

(4) оправданию роли: ответственный съемщик

5 реализация в действии – в отношении

(1) начала будущего: дети (разных народов)

(3) полноты проявления: дружибист

(4) обеспечение надежности: боевой друг и товарищ

IV уровень:

3. дополнительность:

2 направленность (само)развития –

3 проявление-участие –

- 4 обеспечивающая поддержка
- V уровень:
- 2 направленность (само)развития
- (1) меньшего как исходного: заочник
- (2) большего как ангажированного: вечерник
- (3) большего в своем участии-проявлении: втузовец
- (4) меньшего как обеспечивающего: вузовец
- 3 проявление-участие – в проекциях
- (1) начала-исхода: пэтэушник
- (2) нацеленности намерения: рабфаковец
- (3) получения-(само)обеспечения: профкнижник
- 4 обеспечивающая поддержка – в проекциях
- (1) начала-исхода: дзержинец
- (2) направленного намерения: воин-интернационалист
- (3) полноты проявления силы использования: красный офицер
- (4) обеспечения тыла: красный юнкер
- IV уровень:
- 4. отделенность:
- 2 ведущего и направляющего –
- 4 сопровождающего и поддерживающего
- V уровень:
- 2 ведущее и направляющее
- (1) минимально исходного: райкомовец
- (2) последующего второго и намеренного к третьему: горкомовец
- (3) более высокого к обладанию: обкомовец
- (4) обеспечивающего: исполкомовец
- 4 сопровождающее и поддерживающее
- (2) заряженного носителя власти: комитетчик
- (3) наибольшей по силе идеи ее воплощения: парткомовец
- (4) воплощение идеи ее поддержания: завкомовец
- IV уровень:
- 5. задействованность:
- 2 нацеленности –
- 3 полноты допустимой реализации
- V уровень:
- 2 нацеленность
- (2) организующего и направляющего: женорг
- (3) выразителя женской позиции и воли как участника организованного социального действия: женделегатка
- (4) обеспечивающего движения исполнителя: научный сотрудник
- VI уровень:
- (3) полноты: старший
- (4) обеспечения: младший
- 3 полнота допустимой реализации
- (2) направленность: ответработник
- (3) вершинность в приложении сил: партработник
- (4) обеспечение раздобывания: райкомщик

Последним, пятым, основанием отмеченности, второго параметра описываемой парадигмосистемы, будет основание советского достижения (сукцессива), представляемое семантической признаковой, отображенных в словах ворошиловец (ворошиловский стрелок), ворошиловский всадник, значкист (ГТО), кандидат наук, краснознаменец (человек, награжденный орденом Красного Знамени), лауреат, орденоседец, персональный пенсионер, передовой, лучший по профессии, ленинский стипендиат, хлебороб-стоцентнеровик, чемпион жатвы.

Представление о достижении (сукцессиве) можно было бы уложить в соотношениях реализованного рывка, прорыва, ведущего и стоящего впереди (позиция 1) – лауреат, передовой, лучший по профессии, чемпион жатвы; достижения осуществленной попытки, пробы как реализованного намерения (позиция 2) – ворошиловец (ворошиловский стрелок), ворошиловский всадник, значкист (ГТО); достижения надежного обеспечения, гарантии продолжения и развития, продвижения вперед (позиция 4) – кандидат наук, ленинский стипендиат, хлебороб-стоцентнеровик; достижения увенчания и обретения (сукцессив сукцессива, возможный осуществленный итог, результат – позиция 5) – краснознаменец, орденоседец, персональный пенсионер.

Прорыв как исход ведущего и предстоящего определялся бы соотношением начальной точки (1) для передового – как того, кто достиг каких-либо результатов раньше других, стал первым, вышел в начало, вперед; точки отмеченно значимого реализованного в достигнутом результате намерения (2) для лучшего по профессии – как того, кто в своей заряженной на выполнение планов, стоящих и появляющихся заданий готовности отмечен как наиболее выраженный в полноте достижения для данной профессии отношении; точки достигнутой в своем пике, возможной для реализации в испытании (в данном случае жатвой), наибольшей на фоне других полноты (3) для чемпиона жатвы; точки достигнутого, итогового результата (5) для лауреата.

Проба реализованного намерения могла бы получить свое воплощение в точках – того, кто, сдав соответствующие нормы по верховой езде, обнаружил намеренную готовность (заряженность силы, ассоциирующейся в своем ощущении, сенситиве, с конем) к потенциальному проявлению, использованию в предполагаемом действии (2) – ворошиловский всадник; того, кто достиг полноты возможного (стрельба, способность метко и целно стрелять – как реализация независимости и силы в отношении всякой потенциальной цели, владение, управление ею, способность по своему усмотрению ею самой и ее положением, экзистенцией, располагать, полнота ощущения своей над ней власти – 3) – ворошиловец (ворошиловский стрелок и одновременно, возможно, вороши-

ловский всадник); того, кто отмечен в своей готовности защищать, оборонять, быть поддержкой, обеспечением вероятного выдвижения силы (с предполагаемой проекцией к военному и трудовому использованию, на обоих этих фронтах, как едином и нераздельном в советском мировоззренческом представлении – 4) – значкист ГТО.

Надежность обеспечения и гарантия продолжающегося развития могла бы подразделиться по точкам (1) для ведущего и вперед смотрящего, первого, лучшего, образцового, отмечаемого как таковой – ленинский стипендиат; (2) для реализованного в своем намерении готовящегося к дальнейшему потенциальному продвижению, намеревающегося двигаться дальше – кандидат наук (потому он и кандидат); (4) для обеспечивающего, снабжающего, того, кто своим трудом и высокими показателями обеспечивает страну, государство зерном (семантика хлеба, зерна как поддержки и подкрепления) – хлебороб-стоцентеровик.

Достижение обретения в отмеченном увенчании (сукцессив советского сукцессива) можно было бы уложить в соответствии точек (2) – как отмеченной мобилизации, осуществившей себя готовности, силы реализованного намерения: краснознаменец; (3) – как отмеченной полноты: орденоносец и (4) – как отмеченного в своем жизненном результате, итоге обеспечения (материальное выражение поддержки поддерживавшего, обеспечивавшего общий и полный советский успех): персональный пенсионер.

Описанное для пятого основания второго параметра (сукцессива отмеченности) обобщенно и схематично можно представить следующим образом:

I уровень: отмеченность

II уровень: достигнутость

III уровень:

(1) прорыв ведущего –

(2) проба реализованного намерения –

(4) надежность обеспечения и гарантия продолжающегося развития –

(5) увенчание в обретении

IV уровень:	(1) прорыв	(2) проба	(4) надежность	(5) увенчание
(1) опережение:	<i>передовой</i>	–	<i>ленинский стипендиат</i>	–
(2) заряд:	<i>лучший по профессии</i>	<i>ворошиловский всадник</i>	<i>кандидат наук</i>	<i>краснознаменец</i>
(3) пик:	<i>чемпион жатвы</i>	<i>ворошиловский стрелок</i>	–	<i>орденоносец</i>
(4) обеспечение:	–	<i>значкист ГТО</i>	<i>хлебороб-стоцентеровик</i>	<i>персональный пенсионер</i>
(5) результат:	<i>лауреат</i>	–	–	–

Были рассмотрены, описаны и распределены в своих соотношениях семантические признаки четырех из пяти оснований отмеченности как параметра определяемой парадигмической семантики языка советской действительности (первое основание отмеченности было описано в предыдущей статье). Последующие параметры будут предметом дальнейшего рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

Большой толковый словарь русского языка. (БТС) [Гл. ред. С.А. Кузнецов] – СПб., 2000.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб., 1998.

Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. [Гл. ред. Г.Н. Складаревская] – СПб., 1998.

Червиньски П. Семантика советского позитива в контексте продуцируемого представления действительности (на материале обозначения лиц) // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26).

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27).

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (2) // Политическая лингвистика. 2009. №2 (28)

© Червиньски П., 2009